

Александр Никифоров

Был случай- 2

12+

Александр Никифоров

**Вот был слуЧай 2.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Никифоров А. Е.

Вот был слуЧай 2. Сборник рассказов / А. Е. Никифоров —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Сборник рассказов о жизни. Веселой и не очень. Но всегда единственной и неповторимой.

Александр Никифоров

Вот был слуЧай 2. Сборник рассказов

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

– Ага. Вон и Соколова летит. Опоздала, милочка, отдали большого Ильича третьему цеху...

Разговор перед началом демонстрации. Ноябрь, СССР

– Праздник сегодня. Никто и не вспомнит...

Разговор в очереди за пенсией. Ноябрь, Россия.

Отрывные календари и сейчас встречаются в продаже. На них не надо ничего отмечать, с ними все просто, оторвал листок, сутки прочь, встречай следующие.

Календари на год, и покупали их, перед Новым годом. Плотные бруски из тонких листочков папиросной бумаги, скрепленных сверху железной широкой скобой, прошитые двумя длинными стальными скрепками. Для того чтобы на стене закрепить, продавалась отдельно тонкая картонка, с двумя прорезями, куда вставлялись и загибались «язычки» от железной скобы. Просунешь, эти полоски в прорези, загнешь, и все новое исчисление дней готово.

На картонке картинка, которую, конечно, каждый выбирал себе по вкусу, хотя выбор был весьма ограничен. Только «С днем Победы, с Новым годом! с Первомаем!» или с другим каким праздником. Но чаще всего, продавались эти картонные приложениями к календарю, напоминанием о времени, эпохе, стране, в которой живешь.

Всечасное время, с плакатами завал. Новое время, новая страна, новые названия. Названия все больше с Запада пришедшие. Плакаты, теперь называются баннеры, билборды, бренд-мауэры. Теперь не творческая мысль, теперь креатив. Теперь напишут, а дальше сам додумывай. Висит такой плакат, слова на нем «Мы едины, мы страна!». Со сранья, наверное, придумали, а как иначе? Дошло до кого – то, что мы страна. Жил вот так человек жил, и вдруг понял, страна мы. И от того едины, что страна. Больше признаков единения нет. Креатив, одним словом. А могли бы в прошлое заглянуть, посмотреть, что писали раньше, когда плакаты, еще плакатами были. Прежде чем на плакатах писать, поучиться надо было, перенять опыт, у тех прежних, чуть не сказал пиарщиков, нет, нет, авторов наглядной агитации. Они, то конкретно писали, кто с кем един, и кого мы скоро съедим.

«Народ и партия едины, коммунизм – могильщик империализма», как звучало, а? Песня. А сейчас ну что это – мы едины! И никакой конкретики, с кем, когда, в какое время? Ночью или днем? Перед выборами или на постоянной основе? С каким регионом? С Питером или Москвой? С Питером проще, с Москвой накладней, прожорливая очень.

На обратной стороне каждого календарного листочка, мелким шрифтом текст. Или советы житейские, или по поводу событий там разных, или опять, кто мы такие, откуда взялись, и куда, и с какой целью премся. А кроме этого, еще и стишки детские попадаются, чтоб значить детишкам вечером, на сон почитать, да и себе нервы успокоить.

Продумано все. Оторвал листок от своих собратьев, перевернул, прочитал. С прошедшим днем узнал чего-то новое, или старое вспомнил. Но, согласитесь, сколько пользы приносили отрывные календари, худея на наших стенках с каждым днем. А как радовали, даты, отпечатанные красной краской, как будто посреди дороги из серых будничных листов, загорался сигнал «Стоить!».

Остановись! Отдохни от серых будней! Праздник, же, отмечай, как положено. А утром отрывая листок, еще подрагивавшими от праздника руками, прочтешь, откуда же все-таки взялась эта дата, и почему ты обязан ее отметить.

Встанешь так утром, после выходного, праздника женского дня, например, который международный. А на работу ведь надо. Сначала сожалеешь о том, чего это женщины, всего один день за свои права борются? Неплохо бы было эту борьбу на два – три дня растянуть. А потом посмотришь на жену, уже собравшуюся на работу, и понимаешь, что только одни мужики и отстаивают права женщин.

Вспомнишь, крепким словом Клару Цеткин, о которой на оборотной стороне листка, мелким почерком, хлопнешь стакан воды и на работу.

Или вот седьмое ноября – день великой октябрьской революции! Праздник был куда там.

Главное в нем, это то, что народу массовое гуляние устраивали. Демонстрацией называется.

Вот, что сейчас в этот день?

2

Пробегут по площади, десять суворовцев, одетых в форму второй Мировой. Танк прорычит, штурмовик пролетит. А массовость где? Где настроение на праздник? Где намек на предстоящий размах души? В тогдашние – то времена, чтоб душу эту распахнуть, наши люди советские, на праздник этот с утра толпами, группами, к месту сбора колонн формирующихся для демонстрации, спешили. А как же не спешить? Опоздал? На заметку – не сознательный. Не пришел? Прогул – политически не подкованный. Прибыл? Отметься, и получи, транспарант, который в колонне будешь нести. Тут тоже есть свои, как говорится, камни подводные. Если портрет, кого из ЦК, всучат, пиши, пропало. Раньше с колонны не уйдешь, такой реквизит сдавать надо. А вот если флажок дадут, или растяжку с надписью, «Миру-мир» или «Нет войне», считай, выиграл в лотерею. С тряпкой – то чего, с палки сдернул, свернул и за пазуху, после выходных вернешь. Получил? В колонну своего предприятия, треста, школы или еще чего, встал. Теперь надо мимо трибун пройти. Трибуны эти в каждом городе, на центральной улице стояли. Вместительные такие трибуны, крепкие. Руководители не худенькие, с них народу мимо проходящему, ручками махали, с праздником поздравляли.

В те времена все на одной трибуне умещались, а если сейчас, если попробовать, так ни какая трибуна не выдержит, сколько их развелось, руководителей.

Идем, значит. Стройными колонами к трибуне. А ведь во главе каждой колоны свои руководители идут. Директор, начальники цехов. Идут, прислушиваются. А как же? Их оценивать потом будут, как на строевом смотре. Как приветствие коллектив прокричал, как колонна прошла. Какой процент радостных улыбок, гордящихся своей страной, партией и правительством на общем фоне коллектива?

А народ весь радостный. Красный день календаря, выходной. Да и хрен с ней с этой революцией.

Вот бомбу атомную сделали, а она покруче, революций будет. Подумаешь, в 17 году, Вовка картовый из кордона вернулся с поделниками своими. Понять его можно, надоело ему, сердечному, больше десяти лет по заграницам – то жить. Ностальгия замучила.

А что война потом, так и чего? Не заграничных же друзей мочить, а своих расейских, а этих чем меньше останется, так это только плюс, в деле революции...

С шести утра в нашем районном городе, народ, оглушают революционными песнями, репродукторы. В первых, чтоб народ разбудить, а во – вторых, чтоб о празднике напомнить.

Под самую революционную, ту, где «ветры яростных атак тревожат сердце. Бой продолжается, и Ленин снова помолодел» шагает народ к месту сбора колонн. Город весь в кумаче, все электрические столбы на центральной улице обернуты ими, как индианки в сари.

Между ними растяжки красные натянуты. А на них белыми буквами прописано все, что должно вселять в нас веру в незыблемые идеалы светлого завтра. Тут и партия в рулевых присутствует, и коммунизм, который вот- вот победит, и конечно мир, которому тоже мир...

– Ага, вот и Соколова летит, – проговорила стоящая, рядом со мной в очереди за транспарантами

крановщица Нинка, – опоздала, милочка. Отдали уже ее Ильича в третий цех.

– Прячься, Михалыч, – посоветовал нашему мастеру, Витька – токарь, – сейчас полетят клочки по закоулочкам. Как же ты лопухнулся – то так. Три года баба Брежнева носила, штатным, можно сказать «ликноосцем» стала, а тут облом такой. И это на самое, что ни есть, шестидесятилетие нашей славной революции.

– А я, то при чем, – забегал глазами Михалыч, – мне начальник цеха приказал передать, я передал. В третьем цеху Славка фрезеровщик, орден получил, вот ему и оказали почет, нести портрет генсека.

– Не повезло Славке. Помнишь в прошлом году, ветер налетел, Ильича из рук Соколовой вырвал, до берега за ним бежала пока не поймала, – напомнил мастеру про прошлогодний случай с портретом Витька – токарь.

– Славку – то не сорвет, он же с орденом, тот его к земле давит, – вклинился я в разговор,

– А тебе бы промолчать, – урезонил меня Михалыч, – вечно ты со своим языком. Из-за него до сих пор, с четвертым разрядом и ходишь. Который год, пересдать не можешь, – а Славка теперь далеко пойдет, как говориться, стоит начать.

– Это да, – согласился я, – хороший фрезеровщик был. Теперь как его с орденом к станку ставить?

3

На спецовке его носить не будешь, не положено. Ждет теперь Славку костюм с галстуком, да выступления про трудовую доблесть. А что, касаясь меня так я, по специальности, на все вопросы отвечаю, – не согласился я, – в политике только путаюсь. У меня с резьбой не в порядке, левша я от рождения.

– Резьба-то здесь при чем? – не понял мастер.

– Так левую резьбу, с правой путаю, – пояснил я, – в какую сторону гайки закручивать или откручивать, понять не могу. По болту так вроде в левую, а если, следуя указаниям, то оказывается вправо надо крутить. Когда еще сказано» Наше дело правое, победа будет за нами».

– Докрутишься, – пообещал мастер, – у вас бригада коммунистического труда, четыре члена партии, три кандидата, ты один всю картину портишь.

– погоди, Михалыч, как три, было же два? – поинтересовался я, количеством «мандатных» кандидатов.

– А вот Виктор, накануне юбилея, был принят кандидатом в члены партии, – кивнул мастер, на приятеля моего, Витьку – токаря.

– Ну, этот член, всем членам член, полный можно сказать, многочлен, – вдруг пришло мне на ум, определение с алгебры, определение которого я так и не освоил, – этот резьбу не спутает, этот только в нужную сторону будет крутить.

– Вот чего опять мурмолишь, – покачал мастер головой, – как Семенов, загреметь хочешь?

– А чего я сказал? – скорчил я непонимающую гримасу, – токарь же, он резьбы не путает. В какую сторону станок крутит, в ту и нарезает.

Только Семенов, теперь уже бывший член нашей бригады, два года назад на такой же демонстрации, пострадал от обиды, которую нанес ему, бригадир из третьего цеха, недовольный тем, что мало портретов членов ЦК, досталось их цеху.

– Нет, ну посмотрите, кому доверили товарища Сулова нести, – показал он своим членам бригады, на Тольку с портретом члена ЦК в руках, – как он выглядит. Ни дать, ни взять чучело. Одно чучело стоит, второе чучело в руках держит.

– Я вот тебя сейчас, как причащу этим чучелом, – замахнулся на него Семенов, не стерпев обиды, – и начнешь в картонном воротнике ходить с глазами на затылке.

Тут сразу, конечно, компетентные органы, вмешались. Благо их вокруг нас, ничуть не меньше чем нас. Бригадиру – три года дали. За то, что первый начал, членов политбюро оскорблять. Семенову – два года. За неправильную реакцию на оскорбление членов ЦК.

– Михалыч, где мой портрет? – подлетела, еле дыша, Анька Соколова.

Нести большой, где – то полтора на полтора метра портрет генсека, всегда считалось привилегией избранных, передовиков производства, активных помощников парторгов, ударников труда, отмеченных к очередной дате.

– Отдали любимчика твоего, – ответила за молчавшего мастера Нинка, – Славке орденосцу отдали. В этом году не заслужила ты, подруга. Наград у тебя нет, мужик вон, твой, два раза в вытрезвитель попал.

– Ой, ой. Чья бы корова мычала, – перешла в наступление Анька, – думаешь, я не знаю, чем ты там, на кране своем занимаешься. Думаешь под потолком, так никто и не видит?

– Ну, ка, ну ка, – двинулась с решительным видом в сторону Аньки, Нинка, – что ты там увидела?

– А что увидела, то и увидела, – спряталась Анька, за спину подошедшего мужа, – ты вот плюешь со своего крана на нас.

– А тебе сейчас без крана в рожу харкну, – взбеленилась Нинка, и, набрав слюны, натурально плюнула в сторону Аньки.

– Ты чего шалава, охренела совсем, – рыкнул, вытирая лицо Сашка, муж Аньки.

– Мало тебе вытрезвителей, так я тебя еще и оскорбление, честной женщины привлеку, – пообещала крановщица Нинка.

– Товарищи, товарищи, – появился, как черт из табакерки, парторг нашего цеха Владлен Октябринович Троцкий, – давайте в праздник, отодвинем наши бытовые проблемы на задний план. Ведь великий день сегодня товарищи! Юбилей революции. События, которое озарило счастьем всю нашу жизнь, и указало светлый путь к коммунизму. побыстрей разбирайте транспаранты, товарищи, и в колонну. Скоро движение начнется.

4

«Весть летит во все концы,

Вы поверьте нам отцы. Будут новые победы. Встанут новые бойцы,

И вновь продолжается бой... – звенит над городом голос Кобзона.

– Со мной понесешь? – пошел ко мне Витька, с двумя палками под мышкой обернутыми кумачом.

– Смотря чего, – ответил я, кивнув на транспарант.

– А я знаю. Михалыч, сунул.

– Ну, давай, – согласился я, прикидывая свернутый на двух палках кумач, – вроде не тяжелый.

– Легче легкого, – заверил меня Витька, – он мне сначала эмблему цеха хотел всучить. Еле отбрыкался. Там шестеренка одна, килограмм на десять тянет. Я, то знаю, сам ее точил. Соколова с Нинкой согласились тащить. Бабам на тяжесть нас..., им лишь бы впереди покрасоваться.

Мы с Витькой отошли в сторону, и, взяв по древку в руки стали разворачивать, четырехметровую полосу кумача. Развернув, увидели, что на ней, белыми буквами, высотой в полметра, было написано, «Вперед к победе коммунизма».

– Хороший лозунг, качественный, – оценил я творение заводских художников, – и главное, экономный, долгоиграющий. Раз написал и таскай себе на здоровье, пока кумач не истлеет.

– Вот не прав ты, не прав. Построение коммунизма в СССР, является главной задачей и целью всего многонационального народа нашей страны, – как по писанному, скороговоркой, заученным уроком, отвечивал Витька.

Зная его, не первый год, я осмотрелся, ища причину его высказываний. И нашел. Из – за спины мужа Аньки Соколовой, торчало настороженное ухо Троцкого, которое от усердия подслушивания, даже как – то увеличилось в размерах.

– Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым, – направил я слова песни в сторону уха, – Давай вставай в колонну кандидат, да натягивай покрепче, чтоб все видели, как дружно мы шагаем, вперед к победе коммунизма.

Первая заводская колонна, состоящая из управленцев нашего предприятия, пошла в сторону трибун. За те пять минут, пока наш второй, механический цех, стоял в ожидании движения, Троцкий, как пастушья собака, кружил вокруг нас, ровняя колонну, пересчитывая ряды, поправляя транспаранты в руках демонстрантов, не забывая при этом всасывать ушами все разговоры вокруг.

Растянув над головами нашего ряда плакат, мы с Витькой оказались разделенными шириной колонны, и я оказался соседом, Анькиного мужа, тракториста из ремонтного цеха.

– А чего это ты не со своим цехом? – сразу поинтересовался я, – смотри, запишут в дезертиры? Будешь Аньке, сосульками в Воркуте, радиogramмы отбивать.

– Вот что ты опять городишь? – раздался у нас за спинами голос Михалыча, – договорился я с его бригадиром, что он в нашей колонне пойдет. Завод – то один.

– А я проявляю политическую сознательность, – не поворачивая головы, отвечаю я, – может у меня от Витьки, по плакату этому, политическая убежденность перетекает. Может я тоже в кандидаты захотел. И, уже созрел, чтоб вместо лево, только вправо гайки крутить.

– Собрались, собрались, – впереди колонны нашего цеха, усиленный рупором, прозвучал голос Троцкого, – Внимание! Пошли!

Я чуть задержался на старте, но натянутое Витькой полотнище, чуть не вырвало древко из моих рук, потащило меня вперед. Ускорив шаг, я выровнялся с соседом и напарником по плакату.

– А меня премии лишили, – пожаловался мне Анькин муж, – вот всем к празднику дали, а мне хренушки.

– Так ты же вроде как в вытрезвителе был? – вспомнил я слова Нинки, – чего тогда ноешь?

– Была бы у тебя, такая вот Анька, как у меня, ты не то, что ныл. Волосья бы все на себе повыдирал.

Справедливости никакой. Мало четвертной за вытрезвон высчитали, так еще и премии лишили.

А женка хотела на эту премию Ильича собрание купить, того, который Владимир, она же в университете марксизма – ленинизма учится. Второй год уже учится, – с гордостью, сказал мне сосед, показав рукой на идущих впереди, согнувшихся под тяжестью эмблемы цеха, двух женщин, ступая, одна из них была его женой.

– Да, девка, она у тебя надо признаться, революционная, – оценил я труд женщин.

5

– Ну а ты, чего отстаешь? – спросил я его, приноравливаясь к размашистому шагу Витьки, который судя по полотнищу, шустро шагал вперед, согласно призыву с плаката, – изучал бы после работы вместе с ней, капитал Карла с Марксом. Детей же у вас нет?

– Нет пока, некогда, – согласился сосед, – вечерами, Анька на учебе, а я это... на работе.

–Ты этой хренью, ей особо не давай увлекаться, – покрутил я, головой, опасаясь, ушей Троцкого.– Ленин с Крупской, в ссылке были, вообще без света сидели, а толку ноль. Ни дочки, ни сыночка.

Побросали все свои силушки, как дровишки в костер мировой революции.

Смотри, чтоб Анька твоя, также не сгорела, она я смотрю у тебя баба азартная. Схватила вон, с Нинкой «шестеренку» и прет, как пушинку.

– Это есть, – согласился сосед.

Он пошарил у себя за лацканом пальто. Вытащив конец прозрачной трубки, от медицинской капельницы, взял его в рот, а ладонью надавил спереди в район живота.

Кадык его, два раза дернулся. Когда он вытащил, изо рта трубку, я уловил запах самогонки.

– Нагрел, теплая, поди? – кивнул я на живот, где у соседа за поясом был резервуар подогрева, – как ты ее такую пьешь? – внутренне содрогаясь, представив, как теплая самогонка течет по моему горлу.

– Холодная, теплая. Какая разница, – не согласился сосед, – не отравя же. Будешь?

Я категорически отрицательно замотал головой, на протянутую мне трубку.

–А зря. Сегодня праздник, «мусора» не берут. Красный день календаря, у нас седьмое ноября, – сказал сосед, аккуратно убирая трубку за лацкан пальто.

Колонна поравнялась с началом галереи портретов членов ЦК, выставленных в канун праздника, значит, до трибуны осталось шагать, ровно столько, насколько протянулась шеренга из шестнадцати портретов, заканчивающаяся вдвое большим по размерам портретом генсека.

Стали четко слышны приветствия, провозглашаемые с трибуны коллективу нашего завода. Раз мимо проходило руководство завода, похвалы звучали в их адрес.

– Директору биохимического завода, за мудрое руководство удостоенному многих государственных наград. Коммунисту, под чьим чутким руководством завод завершил очередную пятилетку за четыре года. Ура, товарищи!

–Ураааа! – глухо раскатилось эхо из наших голосов, над заполненным демонстрантами проспектом.

– Итээровцам завода, которые постоянно работают, над улучшением качества белково-витаминного концентрата, главной продукции завода! Ура!

–Урааа! – откликнулась на призыв колонна завода.

–Так управленцы прошли, – мелькнуло у меня в голове, – первый цех на подходе.

Наш цех медленно плелся мимо портрета Щербицкого, которого я признал в отличие от многих из шестнадцати руководителей, кроме генсека, разумеется.

– Смотри, Щербицкий, – поделился я знаниями с соседом, – главный у хохлов.

– Ты чего и остальных знаешь? – даже как – то с уважением посмотрел на меня тот, опять засовывая руку под пальто.

–Не всех конечно, так кое-кого, Брежнева, Андропова. Ты погодил бы прикладываться, а то упадешь перед трибуной, – посоветовал я ему.

– Решат, от патриотических чувств упал, переполненный восхищенья и преданности, – отозвался муж, передовой женщины, – тогда все простят и премию вернут в двойном размере. Анька, описается от радости.

– Ага. Еще и орден суதுлого, вручат с заветкой на спине, и на марсовом поле, как жертву революции под фанфары зароят, – пообещал ему я, – бюст в металле отольют, как первой жертве от радости загнувшейся.

– Шире шаг, – прокричал Троцкий.

Стали видны, махающие колоннам ручками, первые лица нашего города и района и уже стоящий на трибуне, и приветливо махающий директор нашего завода.

–Работницам и работникам второго цеха биохимического завода, постоянно перевыполняющим производственный план и досрочно закончившим пятилетку за четыре года. Ура! – прозвучала здравница в нашу честь.

б

–Урааа! – бодро отозвался наш цех.

–Урааа!– громко закричал мой сосед, после всех, не успевший вовремя выдернуть трубку, карманного спирт провода, чтобы поделиться радостью вместе со всеми.

Вокруг засмеялись. На крик мужа, гневно обернулась Анька, что-то беззвучно прошептав губами.

–Ну, брат, фанфары и аплодисменты по щекам, дома тебе обеспечены, – предупредил Сашку я, – праздник у тебя, похоже, здесь не закончиться.

Между нами появился Троцкий. Разговаривать больше, как – то не хотелось.

Сосед виновато стал смотреть под ноги. Под его неусыпным контролем, мы сразу, как-то внутренне собравшись, лихо, промаршировали мимо трибун. . .

– Можно спросить Октябринович, – сказал я парторгу, когда трибуны остались позади, – ты бы смог часами махать с трибуны не уставая, как они?

– Коммунисты никогда не сдаются, – ответил он, окинув меня подозрительным взглядом, видно усмотрев в вопросе, какой-то подвох, – помнишь, как у Маяковского – гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей.

– Я теперь понимаю, как мечами в сече, не уставая махали мечами с утра до вечера, – поднял голову сосед, – ведь вот так натренируешься, тогда все нипочем.

– Ты меч-то с ручкой не путай, – не выдержал я, – эти же деятели кроме ее, и в руках – то ничего не держали.

– А вот за критику, руководящих органов, можно и загреметь в места отдаленные, – намекнул мне Троцкий, – или думаешь, раз праздник, так можно и болтать, что вздумается.

– Так я же Октябринович, так шутейно, – стал я сдавать назад, – все же свои вокруг, рабочий класс. Ведущая сила мирового пролетариата, так сказать.

– Вот вызовем в партком, да пропесочим как надо, чтоб осознал, тогда поймешь, – ответил парторг.

– Я же беспартийный, – ответил я, – в местком, в профком еще, куда ни шло, но в партком – то зачем?

– После выходных, сразу ко мне, – отрезал Октябринович, давая понять, что разговор со мной окончен, – ты тоже, – добавил он, посмотрев на Анькиного мужа.

– Так я-то вообще не из вашего цеха, – погладил тот живот под пальто, проверяя место, где спрятана грелка.

– И что из того? – не согласился парторг, – партия она не по цехам, партия она превыше всего. Я сказал, попробуй не приди. В миг, твоему руководству доложу, что это у них за пособник всяким болтунам замаскировался. Понял?

Тот кивнул головой и снова стал смотреть себе под ноги.

– Погоди Владлен Октябринович, – обратился я к нему официально, на «вы», – ладно я. Я сказал, я за свои слова готов ответить, а он – то здесь причем?

– Я все сказал, – парторг развернулся и пошел назад в сторону трибуны.

– Черт меня угораздил, рядом с тобой пойти, – с сожалением сказал Анькин муж, засовывая одну руку под пальто, кладя вторую на живот, – не хватало мне еще по партийной линии влипнуть.

– А ты чего коммунист? – удивился я.

–Кандидат уже полгода. Анька заставила, – суя кончик трубки в рот, ответил тот, – не, не, не, – заходил у него кадык.

– Чего не, – спросил я, – когда он закончил свои процедуры.

– Не может быть беспартийным муж, у убежденного коммуниста, – четко выговорил он, – или говорит, ищи себе другую жену.

– Ни фиги себе, – присвистнул я, – да у вас в ячейке, я смотрю, политическая принадлежность, не абы как, а на полном серьезе.

– Не без этого, конечно, – вдохнул муж убежденной активистки, снова засовывая руку под лацкан пальто.

Так за разговорами мы подошли, к месту, где стоял грузовик с открытым задним бортом, куда демонстранты складывали транспаранты до следующей годовщины революции.

Быстро, вместе с Витькой скрутив свой лозунг, мы бросили свернутый на два древка кумач в кузов машины, почти уже наполненный, ненужными до будущего года транспарантами.

7

Избавившись от революционного атрибута, отошли в сторону к стоящему, с порозовевшим лицом после очередной процедуры, внимательно наблюдающим за своей женой стоящей невдалеке с женским коллективом нашего цеха, трактористу.

– Ну чего, мужики, по рублю и в школу не пойдём, – предложил, закуривая Витька, – да и школы закрыты, юбилей, это не хухры – мухры.

– А куда пойдём? – спросил Анькин муж

– Ко мне можно, – ответил я, – моя на смене, – до вечера спокойно посидим, юбилей отметим, и себя не забудем.

– А чего, дело, – согласился Витька, – можно, конечно и ко мне, жена к теще уехала. Но к тебе ближе, да и «соки – воды» по пути.

– Не, мужики без меня, – с тоской в глазах, сказал Анькин муж, – у меня, сами понимаете, конвоир на хвосте. А она у меня вологодская, так что, не приведи, господи.

– Ну, смотри, хозяин, барин, – сказал ему я, – а то можно и с Анькой.

– Вот это вряд ли, – испуганно ответил ее муж, оглянувшись в сторону женщин.

Мы с Витькой, тоже посмотрели туда. Отделившись от женщин в нашу сторону, решительно шагала Анька.

– Мы, пожалуй, пойдём, – кивнул мне Витька.

– Пойдите ещё чуток, мужики, – как то плаксиво попросил, видно ожидающий расправы муж.

– Ну ладно, – согласился я, на всякий случай, отходя в сторону от него, и уводя за руку, Витьку.

– И чего ты стоишь, – подошла с грозным видом к нам Анька.

– Так толкуем тут с мужиками, – вжался в себя ее муж.

– Ага, о времени и о себе, – напомнил о нас Витька, – красный день календаря, как ни как.

– Я вижу, что красный, и с каждой минутой все краснее и краснее, – ответила, приблизив свое лицо к лицу мужа, Анька, – ну-ка дыхни, – приказала она.

Тот, скривив рот, дыхнул в сторону.

– Не, ну не зараза ли? – учуяла активистка запах самогонки, – ведь я тебя, гада, перед выходом из дома проверяла. Опять спрятал?

Неожиданно, она, ловко ткнула мужа, в живот, как раз в то место, где по моим предположение скрывалась грелка. У того из – под лацкана пальто, ударила в лицо струя, одарившая ароматом сивухи и нас.

– Ох, ни, – ахнул рядом со мной Витька, не подозревавший об аппарате.

Муж активистки, быстро смахнул с лица капли себе на язык. Проглотив, молча уставился на жену.

– Сюда давай, – протянув руку, грозно приказала Анька.

Тот, суетясь, быстро перебрав пальцами пуговицы пальто, распахнул его, и мы с Витькой увидели, так называемую «лентяйку». Это когда в резиновой пробке грелки просверливается

отверстие, ив него вставляется трубка. Затем в грелку наливают, то, что есть, и что можно пить, выдавливают с нее воздух и все, «лентяйка» готова. Не надо никаких стаканов, никаких «наливай», ни оглядывании по сторонам. Сунул т рубку в рот, хлопнул по пузу, порция напитка в желудке. Натренированные руки, хлопают так, что трубка выдает ровно пятьдесят капель, но этому, предшествует долгая дорога тренировок, и преодоление ощутимого возражения печени.

Анька, вытащив из- под ремня мужа «лентяйку», аккуратно закрутила вокруг нее трубку, и под наши с Витькой осуждающие взгляды, сунула ее в свою сумку.

– Вы куда собрались? – ответила Анька, на наши взгляды.

– Мы домой, а куда еще? – ответил Витька, – вот мужа твоего с тобой хотели пригласить, праздник отметить.

– Обойдется. Я ему сейчас дома устрою праздник. Никуда пойти нельзя, вечно опозорит, Кулибин хренов, – замахнулась она сумкой на мужа.

– Тогда покудова, – за рукав потащил меня в сторону Витька.

– С праздничком, еще раз, – попрощался я с главой семьи, сочувственно подмигнув мужу...

В «Семицветике», это магазин такой, недалеко от моего дома, тоже чувствовалось настроение праздника. В мясной стеклянной витрине, рядом с постоянным «жильцами» ливерной колбасой, холодцом и набором, для изготовления этого же холодца, расположилась несчастая «гостья» колбаса вареная «докторская».

8

А рядом, на чистейшем подносе, лежала, не знаю, с каких высот, соблаго валившая спуститься к нам, на юбилей революции, сыро – копченая «Кремлевская».

В вино-водочной витрине, тоже изменения. Раздвинув, прописавшихся на полках «долгожителей» плодово – ягодного букета «Золотая осень», «Осенний сад», «Солнцедар». Маня непривычными в отличие от «долгожителей» темноватыми мутного стекла боками, вперед выдвинулась, прибывшая к нам на праздник, уважаемая «Вера Михайловна», вермут, значит.

Рядом стоял совсем редкий, отрада жаждущих, гость магазина, портвейн «Три семерки», или как привычнее, нам «в три топора, рекорд дровосека».

А на «благородной» водочной полке, тоже пополнение. Среди толпы, бутылок зеленого стекла «Коленвалов», водки Русской, интеллигентно блестела прозрачными боками чистая, как слеза божия, водка «Столичная».

– Смотри, даже «Раком к цели» привезли, – обрадованно показал мне Витька, совсем, уж раритет в «Семицветике» бутылку сухого «Ркацители».

– Не отвлекайся, – мы не жажду утолять пришли, а выпить взять, чтоб праздник отметить – напомнил я ему.

– Понял, – ответил Витька, и двинулся к прилавку, перед которым стояла очередь из шести человек.

Пока он стоял, я мял в кармане, последнюю, после складчины с Витькой, оставшуюся в кармане трешку, терзаясь мыслью, – жена ведь тоже человек? Может и ей купить бутылочку этого «Ркацители», или вон «Заблудившегося в горах», портвейна «Кавказ « то есть?

Перед Витькой остался один человек, когда я, вытянув трешку из кармана, решительно подошел к нему.

– Водки две, по три шестьдесят две, – стал отовариваться мой приятель.

–И «докторской» килограмм, – положил я на прилавок смятую трешку.

– «Докторской» килограмм, – продублировал Витька, продавцу.

Вышли из «Семицветика», над городом опять звучит голос Кобзона.

–«И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди...»

– Хорошо устроился, в твое коромысло, шестьдесят лет революции сегодня, один молодой, второй вообще юный, – прислушался к песни Витька.

– Неожиданно для кандидата, – подколот я...

Пришли ко мне. Сели в большой комнате за столом, напротив телевизора. Налили по первой, телевизор включили. А там парад на Красной площади, людей яблоку негде упасть. И машут им с трибуны, все те, что на портретах были изображены, мимо которых мы шагали...

7 ноября 2019 года.

Проснулся от звонка мобильного. Глянул на номер. Ну, кто же кроме, Витьки.

– С праздником, старина, – раздался голос в трубке, – отмечаешь?

– Да чего-то, никакого желания нет. Праздника нет, понимаешь? Кому помешал этот день революции? Пусть бы собирались люди. Можно подумать мы с тобой, офигенными «революционерами» были?

– Да до «звезды» всем была эта революция, главное праздник был. Красный день календаря, а сейчас даже не выходной. Хотя и днем воинской славы России, назвали. Под парад 41 года подогнали.

– Так парад тот, как раз к годовщине революции и приурочен был. Забыли, что ли, во время настало? – вспомнил я.

– У них память счетами в банках забита. Распутица в стране, о нас не помнят, а уж чего про праздники говорить. Ладно, давай не болей, – пожелал мне здоровья Витька.

– И тебе не хворать, – отключился я.

Включил телевизор. Торжественный марш на красной площади, посвященный военному параду. У микрофона московский мэр, речь толкает. «Пары» с портретов нет, видно, не их уровень. Рабочий день, некогда на «ерунду» размениваться.

Выключил телевизор. Сел на диван, а перед глазами «красный день календаря» улыбающиеся лица, приветливо машущие с экрана руководители страны, и зовущий, проникающий в душу голос бессмертного Кобзона:

«... С неба милостей не жди
Жизнь для правды не щади,
Нам, ребята в этой жизни,
Только с правдой по пути.
И вновь продолжается бой
И сердцу тревожно в груди...

ЕЖИК

Глубоко вдыхая, мы вгоняем в легкие, слегка уже подзабытый, спиртовой аромат. Он задержался на маленьких кусочках ваты, оставшихся от последних на сегодня «укольных» процедур, в очередной раз, продырявивших наши «мягкие» места. Медицинская сестричка Танечка, сейчас возьмет в свои умелые, но безжалостные к нам ручки поднос, звякнув, только что побывавшими в нас «жалами» шприцов, лежащими на нем. Бросит нам свое, традиционное,

– жены вас во сне пожалеют. Гуд бай! Болезные.

Хлопнет рукой по выключателю, и выйдет, плотно закрыв за собою дверь палаты.

Мы принимаем удобное положение, скрипя металлическими сетками коек, делая бесполезные попытки преодолеть бессонницу. Бессонница победила, прочно поселившись в каждом из нас, так как, обалдевшие от больничного безделья, мы прекрасно высыпаемся днем. А ночь? Ночью в тишине, мы ведем разговоры...

Он лежит на средней койке по левой стороне палаты. Он, это, Витька, последний из прибывших.

Когда его привезли на каталке в палату, мы решили сначала, что очередной гипертоник, глядя на его багровеющее лицо.

Сашка, один из ветеранов по лежке, даже возмущенно замахал на санитаров рукой,

– Вы чего, помощнички коновалов? Отделения перепутали? У нас же не сердечное, а нервно – травматическое?

–Лежи умник, – ответил ему шкафообразный санитар Сеня, – а то сейчас его выгрузим, а тебя на клизму доставим, мозги прополоскать.

Сашка, ответом, остался крайне доволен, и вступать в дебаты не стал. Дождавшись, когда за санитарями закрылась дверь, мы приступили к новенькому с традиционными расспросами.

–Что случилось? Каким таким ветром в больницу задуло? Встречным или может попутным?

А новенький молчит в ответ. Только рукой то на рот, то на зад показывает. Сегодня днем он только-только вразумительное что-то мычать начал. Не стали мы его днем мучить, расспросы на ночь оставили...

–Витька, давай, раз говорить начал, рассказывай, как ты до такой жизни докатился, два дня ни бэ, ни мэ, ни кукареку, – спросил его «зимний» постоялец больницы Егорович. Он из «переселенцев», нет не из тех, кто от войны там, или от стихийных бедствий бегут. Нет. Он на зиму их дачной своей халупы в больницу переезжает, как он говорит, для поправки здоровья и экономии пенсии и дров. Жена его, через две двери от нас, в женской палате, тоже, зимние тяготы преодолевает, не только дрова, но и продукты экономя...

–Витька, ау? Ёшки – матрешки, уснул, что ли? – не унимается Егорыч, – народ желает знать, что с тобой приключилось. А мнением народа, в наше время, ешки – матрешки, пренебрегать никак нельзя. В противном случае, больничную койку на нарты можно поменять. Из Кремля Московского, каждый день напоминают, что нельзя не реагировать на мнение народа, понял?

А мы для тебя, как раз и есть, эта самая общественность. По закону ведь как? Два человека, это приятели, а три уже организованная общественность. Так что ты эту самую общественность, до крайних мер не доводи, давай излагай.

– Да слышал, я про этот закон, слышал. Два человека разговаривают, а три уже митингуют, – силло отозвался Витька, – я разговаривать еще, как полагается, не могу, горло, чтоб его.

–Ты нам тут муку-то через сито не сей, ешки – матрешки. Говорить он как надо не может? Слышал я в столовой, как ты добавку просил, – не согласился с ним Егорыч.

–Ну, просил, – соглашается Витька, – посмотрел бы я на тебя, если бы ты два дня как я, одну воду ел. Лежишь тут, симулянт, а больные люди в больницу попасть не могут.

–Ты это про кого? Про меня? Заслуженного больничного сидельца? – возмущается Егорыч, выхватывая из-под подушки, свою любимую «Кама Сутру», книжку, затрепанную от долгого чтения, и посылая крепкой рукой в сторону Витьки.

– У меня хворей, на всю палату хватит, – удовлетворенно добавляет он, увидев, что попал куда хотел, – ну ка, извинись быстро!

Витька, ловит книгу. Прочитав, что это «Кама Сутра», засовывает ее под подушку, отзываясь,

– Прости меня, аксакал, язык болезнью перекрученный, не знает что говорит. Чур, ему, – и три раза смачно плюет на середину палаты.

–Книжку верни, – просит Егорыч, – я завтра в бабской палате читаю, обещали наливочки плеснуть.

2

–Вместо тебя пойду, – ухмыляется в ответ Витька, – я не меньше тебя наливочку люблю.

–Да хватит вам ерундой страдать, – в унисон просим мы Витьку, – давай, не томи, рассказывай.

–Чего там рассказывать, – наконец-то начинает он рассказ о причинах прибытия в палату, который мы уже замучились ждать, – все как у всех, по накатанной дорожке. Старый год про-

водили. Новый встретили. Гости уже расходиться стали. И вдруг шурин мой Васька, уже одетый на выход, хлопает себя по лбу и спрашивает, – А число – то сегодня какое, не шестое?

А откуда мы знаем, какое число. Кто же сидя за столом дни считает? Помним что через неделю на работу, уже хорошо. Но навскидку все же прикинули.

– Вроде шестое, – хором, Ваське, шурина моему, отвечаем.

Жена, зная брата своего, Ваську, подвох, в его словах чувствуя, успокаивать гостей начала,

– Ну, какая разница, какое число? Раз собрались идти домой, так идите, оделись же.

Брат ее, шурин мой, Васька, посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Глаза вытащил и отвечает ехидно ей, за всех гостей.

– Рождество ведь наступает, а ты даже не знаешь, Марья Ивановна.

– Жену мою, значит, Мария Ивановна, зовут, – поясняет нам, Витька, – баба она ничего. Перекосы конечно, взбрыкивания, как и у всех бывают. Но отходит быстро, так что терпимо.

– Это мы поняли, – подгоняю я его, – дальше давай.

–А чего дальше? Гости разделись по новой, за столы вернулись. К Рождеству стали готовиться, тренироваться, значит. Шурина, «благодарственную» с горкой налили. За память его профессиональную. Сами пару раз, за его здоровье выпили. Рады все были, что с Рождеством не обмишурились. Жена, наверное, одна, особой радости не проявила. А как Рождество помянули, за хорошело опять, из-за стола никто уже встать не хочет. Да и правильно. Чего вставать? Пока до дома доползешь, уже и Старый год, встречать, провожать пора.

–А иначе никак, – согласился с ним Сашка, – как встретишь, проводишь, так и год такой будет.

–Не мешай, – зашушукали мы на него, – Колумб больничный, Америку, что ли открыл? А то мы не в курсе.

Вот тут я салат «Оливье» с елкой и перепутал, – тяжело вздохнул Витька, – хватанул от елки лапу зеленую, искусственную, закусывать ей, стало быть, начал. Вы сами поймите, вторую неделю, как одно зеленное перед глазами. Елка, «оливье», еще и скатерть на столе зеленая. По запаху не определишь, искусственное все вокруг, что продукты, которые хрен знает, из чего делают, что елка. Вся жизнь пластмассой пропахла. Вот я и перепутал. Оторвал лапу зеленую, и жевать начал. Все смотрят, смеются, думают я ради прикола, а то и сами уже ничего не соображают. Сам то я, когда до половины дожевал, когда уже проволока каркаса пошла, чувствую, что что-то не то. Стал назад ее языком выталкивать, а она ни в какую. Уперлась в глотку, как баран в ворота. Иголки, заразы, не по шерсти пошли, во рту распорками встали. Наглухо, в общем заклинило. Тут все опомнились, видят, что не шучу, ко мне подбежали. Ухватились за ветку, дергать ее начали, да из стороны в сторону качать, чтоб вытащить, значит. Остановились лишь тогда, когда у меня, от действий их, этих, вредных, через щеки иголки прокалываться начали. Только тогда они, и «скорую» вызвали. Чуть погода бригада приехала. Не скажу, чтоб удивились они сильно. Видно и не такое видели. Фельдшерица, ничего такая из себя, ласково рукой по моей зеленой пластмассовой щетине поводила и спрашивает, – сам дойдешь, или носилки нести?

Привезли к больнице, тут рация у них запищала.

–Некогда нам, – фельдшерица, говорит, – вызов.

В руку мне, направление сунула, рассказала куда идти и «Скорая» укатила, огнями сверкающая

Добрел я до приемного отделения. А там перед дверью мамочка молодая с пацаненком сидит, вызова ждет. Я мычу, рукой на дверь кабинета показываю, потом на нее и на себя. Пытаюсь ей объяснить, что за ней, мол, буду. А она, как увидела меня поближе, вскочила со стула, пацаненка к себе прижимает, и чуть – ли не орет на весь коридор, – да что вы! Зачем после меня? Вперед проходите. Я, конечно, замычал, возражая, что мужик мол, как вперед

дамы лезть. Но посмотрев на ее лицо, решил, что это не тот случай и открыл дверь. Слышу за спиной пацаненок, у мамы своей молодой спрашивает, – А дядя мам, что? Ежика проглотил?

Сашка, самый несдержанный из личного состава палаты, с головой накрывшись одеялом, стал глухо всхлипывать от смеха.

3

Остальные хихикали внутренним смехом, радуясь тому, что в темноте, рассказчик не видит наши лица.

– А в приемном отделении, вы прикиньте, мужики, ни одной души, – возмущенно продолжает Витька, – вроде праздники, все должны быть на боевом посту, с дымящимся фитилем в зубах, а тут никого.

–А чего ты возмущаешься? Врачи, что не люди? Мы гуляем, а они? Ёшки – матрешки, – застывает за медперсонал Егорыч, – они чего без праздников должны жить?

На трезвую голову ждать, когда нас привезут? Я когда в ЖЭКе работал, так бывало, бригаду нашу дежурной на праздники оставляли. Так мы сразу на утро, после праздника, созваниваться договаривались. Авария, мол, на работу срочно. Соберемся, в бытовке сядем. На стол, то, что жены с собой положили, ну а на заначку, то, чем запивать будем. Сидим, благодать – ни тебе жены, в каждую стопку заглядывающей, ни тещи, укоризненно головой качающей. Детишек сопливых, за ноги хватающих, и продукты со стола умыкающих, и тех нет. Хорошая компания, это то, что нужно. Не зря древние говаривали, что в хорошей компании, да под хорошую закуску, до бесконечности употреблять можно.

Егорыч, на всю палату, оглушительно почмокал губами, от упоительных воспоминаний.

–Еще один, – возмутился Серега, молодой мужик, лежащий у самой двери, – дай человеку сказать.

–Повезло мне, медсестра мимо проходила, – вспоминал дальше Витька, – меня увидела, подошла и говорит, – вы подождите немножко, я сейчас вернусь. Сбегаю в одно местечко и сразу к вам. Я головой закивал, рукой помахал, чтоб по быстрее, я ведь и сам, тоже, еле терплю. Намаялся ждать. Не обманула, сестричка, минут через пять вернулась. Тоже пальчиками по моим «зеленым» щекам поводила, поохала.

–Где это так угораздило? – спрашивает, – за долги, что ли пытали?

Я в ответ только руками махаю, да звуки протестующие издаю, умираю, мол, а ты тут с расспросами. В общем, добился своего. Усадила она меня в инвалидную коляску и повезла.

На лифте на второй этаж поднялись. В конце коридора, она меня в кабинет вкатила. Я сначала подумал, что не туда попал. А как иначе? Посредине стол стоит, бутылками, да тарелками заставленный. За ним мужиков с десятков жуют, челюстями двигая.

Я сразу смекнул, что повезло мне немеряно. Что никуда меня больше не повезут, так как здесь за столом, весь дежурный врачебный персонал больницы собрался. Персонал этот, как увидел меня, сразу то, что жевал, проглотил. Они между собой переглянулись, и видимо, Гиппократу вспомнив, про присягу, даденную, из- за стола поднялись, и вокруг меня кружком встали.

Самый главный из них, как мне подумалось, высокий такой мужик, с бородкой клинышком, пальцем мне на скулу нажал, отчего мой рот, сам по себе отворился. Он пальцами его шире разжал, и заглядывать внутрь стал.

–Вот они, – говорит, челюсть мою не отпуская, – отзвуки праздников. Пишем, говорим, форумы собираем, дискусируем. Ведь любой, ну разве, кроме чиновников да олигархов, знает, что две недели праздников, это перебор. За две недели, все продукты подьедаются, и закусывать народ начинает, чем придется, как говориться, что под руку легло, то и на закуску пошло. Вот вам и еще один убедительный пример.

– Категорически согласен с Вами, уважаемый Владимир Александрович, – говорит второй доктор, то же внимательно рассматривающий меня. Он чуть пониже того, что держится

за мою челюсть, но зато у него пышная, лопатой борода, – здесь не только о нехватке продуктов надо говорить, но и том, что человек уже через неделю интенсивного возлияния, начинает путать все и вся. У меня травмированный был. А как вы думаете травмирован? Он рулон наждачной бумаги с туалетной перепутал. Видели бы вы его седалище? Гамадрил со своей задницей, по сравнению с него, снежная королева.

– Спасибо, Александр Владимирович, у вас всегда яркие, поучительные примеры, – прервал, поблагодарив главный, – а теперь, коллеги, давайте решать, чем помочь жертве праздника.

Отошли они от меня к столу. Быстренько махнули по рюмашке, и стали совещаться.

Я, конечно, как мог, уши распустил, глаза прикрыл, чтоб на картинку не отвлекаться. Всего себя на слух настроил. А они, оказывается, переговариваются, на своем медицинском, а он для меня, на вроде шифровки Кэт, Юстасу. Короче, ничего я не понял.

4

Подходит ко мне минуты через две, тот, у которого борода лопатой и ласково говорит,

– Решили мы, любезный, для облегчения, так сказать, с наркоза для вас, начать. Но так как в данной, конкретной ситуации обычный наркоз, по причине загруженности вашей ротовой полости, применить затруднительно, я бы сказал невозможно, решили мы с коллегами, использовать клизму.

Тут же медсестра заходит, с этой самой клизмой в руках. Ничегошенькая такая сестричка. Я еще подумал, ну что их заставляет с такими симпатичными мордашками, клизмами заниматься? Но как увидел внушительных размеров сосуд со шлангом в ее ручках, так сразу про все забыл и замычал от возмущения.

– Не возмущайтесь, – уговаривает бородатый, – всего лишь слабый спиртовой раствор. Неужели вы думаете, что я, почетный проктолог нашего района, могу нанести вред вашему организму? Наоборот. Клизма ослабит ваш болевой порог, и окажет на вас благоприятное воздействие.

Немножко алкоголя, я думаю, вам не будет лишним?

В четыре руки подняли меня с кресла. Согнули, в позу поставили, в ту, которая у Егорыча в книге, на третьей странице описана, – Витька хлопнул по подушке, под которой лежала «Кама Сутра», – потом покажу. Так вот, верите или нет, но после клизмы я «поплыл», захорошел обо мне.

– Да ты чего? Через клизму? Действует? – не поверил Сашка.

– Еще как, – подтвердил Витька, – балдеешь быстро и никакого запаха.

– Эврика! – заорал Сашка, – выходит, через задницу залил, и никакого запаха. Беру на вооружение.

– Ты только, больше никому об этом не рассказывай, – предупредил я, – а то раз, два, и гаишники, на постах будут приказывать штаны снимать, и в «алкотестер» жопой «газовать». Рассказывай, Витя.

– За почетным проктологом, хирург подошел, в руке машинка стригущая, хитрой какой – то конструкции, я таких и не видел. А жужжит, она, как противно. Слышали бы вы. Я только и думал о том, чтоб скорей она отключилась. Видно мольбы мои, до нее дошли, и минуты через три, поперхнулась она, захлебнувшись пластмассой зеленой. Хирург, хмыкнул, но отчаиваться не стал. Тут же машинку разобрал, продул, шнур в сеть воткнул. Но видно, что-то ему не понравилось в ее жужжание. Отключил он ее, в карман сунул. А из другого кармана, скальпель достал. Я как увидел его лезвие, так и меня сразу вся жизнь перед глазами просвистала. Скальпель этот, на медицинский инструмент похож, как гильотина на овощерезку. Им впору, как мачете, тростник под корень срубить. Видел я такой однажды, у ветеринара на ферме. Он им борова выхланивал. Вспомнив, поджал я ноги, к себе подтянул, для верности руками перехватил. Хочу закричать, сказать ему, что нормально там все у меня, что не такую

уж я и длинную ветку заглотил, чтоб она до туда достала. Помычал, помычал. А толку что? Они к этому люди привычные. Замолчал, руки убрал, ноги выпрямил. Бесплезно сопротивляться. Сколько проживу, столько проживу. Им докторам видней. Но перед тем как с «хозяйством» своим распрощаться, стал я по заднему месту себя похлопывать, с надеждой, что поймают и напоследок «наркоза» добавят. Успокоился лишь тогда, когда стал он этим «мачете», по одной, иголки со щек срезать. Долго он надо мной кудесничал. Пару – тройку раз прерывался, к столу бегал, коллег поддержать. Понимая его, я не возражал. Только с каждым его возвращением, к рукам его приглядывался. В состоянии они, скальпель держать? Не дрогнут ли, после очередного перерыва? Не соскочит ли он, на нос или уши? Уберегло. Закончил он через два часа. Последние полчаса самые жуткие были, у меня нервы, как струны натянулись, того гляди лопнут. Еле дотерпел. Собрались доктора опять вокруг меня. Совет держат, консилиум по их нему. Посовещались. Стали поочередно, а то и в четыре руки, за кончик ветки хвататься, что изо рта торчал, дергать за него, пытаюсь вытащить. До чего додергали, что у меня глаза стали в такт их рывкам мигать. Они дерг, глаза мильк. Спасло, мня то, что в самый разгар «операции по извлечению», в кабинет докторша вошла.

Строгая такая на вид, в белой шапочке. На глазах очки большие, умная, значит.

– Я всех, кто в очках, к умным причисляю, – пояснил Витька, – а как же? Значит, увидеть хотят, то, что мы без очков не видим. Ученые – то, посмотрите, надо не надо, а все в очках. Вот и она тоже, через очки свои, сразу смикитила, что тут что-то не так.

Прямо с порога, на стаю эту, вокруг меня суетившуюся, как гаркнет, – Разойтись!

В Армии не наблюдал, чтоб так четко команды выполнялись.

5

Сразу все от меня отскочили, и у стола в шеренгу встали.

– Коллеги мои, праздные, – говорит докторша, – вы хоть бы Лаврушки пожевали. А то от вашего застолья наверх такой амбре идет, что у меня две роженицы, досрочно на свет ребятишек выдали.

А остальные, надышались так, что танцы устроить требуют. Сказала, что схожу, попробую договориться, а то они уже сами к вам собрались.

Головы в шеренге вниз наклонились, но каких – то пререканий, или оправданий, ни – ни.

– Будем считать, что договорились, – посмотрела она на докторов, а потом подошла ко мне, – а здесь у нас что? – челюсти, ловко так, мои раздвинула, и чуть очками по зубам не елозя, разглядывать стала.

– Случай, конечно, не рядовой, – сказала она после осмотра, – но ничего страшного я не вижу. Говорить, вы, голубчик, еще пару дней, точно не сможете, как в прочем и есть. От такой «закуски», язык безобразно распух, и требует отдыха. Но как врач, я вам скажу, что это даже полезно для организма. В тонус войдете, да и урок на будущее, – не будете, как младенец, тянуть в рот, что не попадая.

– Я, мужики, в ней сразу избавление почувствовал, – прервал повествование Витька, – вот прямо так и подумал, никто кроме нее, не избавит меня от чертовой этой ветки.

Натянула она перчатки, надавила посильнее на челюсть, встала по удобнее и говорит,

– Вы мне, голубчик, пальцы только не покусайте. Сегодня только с утра, маникюр дорожкой сделала.

Хотел я ей головой кивнуть, чтоб не сомневалась во мне. Но хватка на челюсти не женской, железной была, только глазами и смог подтвердить, чтоб за пальчики свои не волновалась.

Пошарила она во рту у меня. Собрала все отросточки в один пучок, и в кулаке, потихоньку и вытащила. Доктора у стола восторженно захлопали, засуетились, рюмки наполняя.

Я руку ей потянулся поцеловать, руку, свободу рту моему, подарившую. Но челюсти на закрытие так светло, что не то что, собственными силами, домкратом не раздвинуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.